

Я. С. ЛУРЬЕ

ОБ А. А. ЗИМИНЕ — ИСТОЧНИКОВЕДЕ И ТЕКСТОЛОГЕ

Историческим трудам Александра Александровича Зимина посвящено уже несколько статей, вышедших в последнее время.¹ Мне же в этих кратких заметках хотелось бы сказать об Александре Александровиче как источниковеде и текстологе.

Наше знакомство с А. А. Зиминим, перешедшее затем в дружбу, началось более 30 лет назад — в январе 1948 г. После моего доклада в Музее истории религии (в Москве), посвященного ересям конца XV в., выступил молодой, только что защитивший кандидатскую диссертацию Зимин. Выступление его было одним из наиболее критических, но оно заметно отличалось от других одной особенностью. Почти все участники дискуссии говорили о том, чем могла и чем не могла быть ересь, исходя из общих теоретических предпосылок. Зимин же основывался на источниках и на их интерпретации, и это обстоятельство, несмотря на существенное расхождение в выводах, нас сближало.

Спорные вопросы интерпретации источников были предметом многих статей и докладов А. А. Зимина; к тем же вопросам он постоянно обращался в письмах и разговорах. Все, кто общался с А. А. Зиминим, помнят его как страстного и упорного полемиста. Когда Александр Александрович вступал в спор, его худощавая фигура как бы еще больше вытягивалась, правая рука с длиннейшим указательным пальцем устремлялась вперед и ввысь — полемика была его стихией, его излюбленным и заветным делом. Таким же он был и в переписке: несколько слов приветствий, и «к делу» — к полемике.

Ленинградские историки и филологи дискутировали с Александром Александровичем о Крестьянской войне начала XVII в., об актовом источниковедении, об иосифлянах и нестяжателях, о Пересветове, о «Сказании о князьях Владимирских», о научной реконструкции текстов, об исторических песнях. Споры в гума-

¹ Каштанов С. М. Александр Александрович Зимин — исследователь и педагог. — История СССР, 1980, № 6; Кобрин В. Б. Александр Александрович Зимин. Ученый. Человек. — Истор. записки, 1980, т. 105.

нитарных пауках редко заканчиваются однозначно — победой одной стороны и капитуляцией другой. Но споры эти, если они ведутся серьезно, на источниках, все же оставляют глубокий след во взглядах обеих сторон: отбрасывается все то, что не выдержало испытания полемикой, меняются аргументы, а иногда и важнейшие построения. Споры с А. А. Зиминим оказали большое влияние на работы ленинградских филологов о «Слове о полку Игореве» и «Задонщине». Уже первый доклад А. А. Зимина на эту тему, сыгравший важную роль в его жизни, был прочитан в Ленинграде. Последовавшая затем полемика длилась ряд лет. И сейчас, когда нет уже в живых зачинателя этой полемики, участники ее должны признать, что для них споры с Александром Александровичем не были напрасными, что они принесли немалую научную пользу. Схема взаимоотношений текстологических групп и отдельных списков «Задонщины», существовавшая до А. А. Зимина, потребовала серьезных корректив; текстологические схемы, принятые в науке в настоящее время, не идентичны прежним схемам, существовавшим до 1963 г. Это следствие обширной текстологической работы над «Задонщиной», порожденной спорами с А. А. Зиминим.

Источниковедческие и текстологические споры не прошли бесследно и для самого Зимина.

В русской историографии постоянно сосуществовали две тенденции — к широкому теоретическим построениям, при которых данные источников выступали скорее как ряд иллюстраций готовой схемы, и к историко-филологическим исследованиям, основывающимся на источниках и текстах. С. Н. Валк связывал первую из этих тенденций с московской, а вторую — с петербургской исторической школой, а В. И. Малышев (которого связывала с А. А. Зиминим многолетняя дружба) называл сугубых теоретиков «проблемщиками». Конечно, ни одна, ни другая тенденции не могли существовать в «чистом» виде: серьезные «проблемщики» хорошо владели материалом источников, а лучшие из источниковедов стремились к обобщению накопленных ими материалов. Но две указанные тенденции все же могут быть отмечены и в дореволюционной, и в современной историографии.

Ученик С. В. Бахрушина, в свою очередь выросшего в школе В. О. Ключевского, А. А. Зимин воспитывался скорее как «проблемщик». Уже его первая печатная работа по истории Древней Руси была посвящена широчайшей проблеме — «О периодизации истории Русского государства».² Но в самом начале своего пути он обратился к источникам и стал постоянным читателем рукописных хранилищ, великолепным знатоком их богатств. Очень рано началась и его деятельность как археографа, издавшего множество памятников. Связанная с этим эволюция А. А. Зимина как ученого весьма примечательна. По справедливому наблюдению

² Вопросы истории, 1946, № 8—9, с. 148—151.

его ученика В. Б. Кобрин, Александр Александрович с годами становился не консервативнее, как это бывает часто, а, напротив, смелее и часто шел на отказ от традиционных, прежде разделявшихся им самим взглядов.³ Но смелость эта покоилась не на умозрительных размышлениях, не на новых теоретических комбинациях, а прежде всего на готовности отказаться от привычных воззрений, если они противоречили источникам. Именно новый пересмотр источников побудил А. А. Зимина отказаться от его первоначальных взглядов на опричнину, на историю образования Русского государства и феодальную войну XV в.

Мог ли этот многолетний опыт работы над источниками и текстами быть сведен в какую-то систему? В последние годы у А. А. Зимина возникла потребность обобщить накопившийся материал по методике источниковедения и текстологии. Он ставит вопрос о разграничении источниковедческих гипотез, догадок и домыслов, о принципах сопоставления параллельных текстов (случаи «необратимости сопоставлений»), возражает против высказанного недавно тезиса о «презумпции невиновности источника», пытается сформулировать пока еще не вполне ясные принципы «источниковедения системы фактов».⁴ Труды эти, к несчастью, остались незавершенными.

Будем надеяться, что работу над этими проблемами продолжат ученики Александра Александровича. Учеников у него было много, среди них были студенты Историко-архивного института, где он преподавал в течение ряда лет, выученики других вузов, аспиранты, ныне уже ставшие кандидатами и даже докторами наук. Дружба с Александром Александровичем и ученичество у него были испытанием, которые выдерживали не все, — были отошедшие и ушедшие. Но те, кто по-настоящему любил его, навсегда сохраняют в памяти образ этого поразительно яркого человека и ученого.

³ Кобрин В. Б. Александр Александрович Зимин, с. 301—302.

⁴ Зимин А. А. 1) Трудные вопросы методики источниковедения Древней Руси. — В кн.: Источниковедение. Теоретические и методические проблемы. М., 1969, с. 431—433; 2) Существовал ли «невидимка» XVI века? — Знание — сила, 1971, № 8, с. 46; 3) О методике изучения повествовательных источников. — Источниковедение отечественной истории, сб. 1. М., 1973, с. 192, 211; 4) О методике изучения древнерусского летописания. — Изв. АН СССР, серия литературы и языка, 1974, т. 33, № 5, с. 456—457; 5) О некоторых задачах специальных исторических дисциплин в изучении и издании письменных источников по истории русского средневековья. — История СССР, 1980, № 1, с. 118, 121, 125—126 (совместно с В. П. Бугановым).